

Казахский театр в Москве

У казахов богатый народный эпос. Из глубины веков пришло к нам живое предание о «Шелковой девушке», ее трагической любви и трагической смерти. Легенда о Кыз-Жибек и ее возлюбленном Тулегене, презоренных феодально-родовых обычаях и глубинных в борьбе за право любить друг друга, в устах сказителей и певцов превратилась в чудесную народную поэму. Она дошла до нас во всей своей первоначальной свежести, ничего не утратив в силе лирического обаяния и возмущающего изматывания. Сейчас жемчужина устной литературы «эпоса» стала достоянием казахской оперной сцены. Легенда определила содержание яркого эпизодично-драматического представления. Герои поэмы зажили на сцене, они и их поступки стали не только слышимыми, но и видимыми, обрели убеждающую конкретность зрелищного изображения. И с полнотой сцены, во глубине оркестра безбрежным потоком полился в зрительный зал чарующие звуки благородной песни о гордой и отважной Жибек, о ее ненависти к хищному деспоту Бекжану, о нежном и свободолюбивом Тулегене, о смелой любви и мужестве, о праве и достоинстве человека. И в этой песне, в тончайшей роли Жибек «Гак-ку», заключительную форму которой повторяет хор у трупп героини, слышатся отзвуки надежды и светлой мечты.

Память казахского народа хранит немало героических эпизодов национально-освободительной, повстанческой и революционной борьбы с российскими империалистами, царскими колонизаторами и их союзниками — баты. Во главе восставших казахской бедноты, вызванного мобилизации «стусенцев» в 1916 г., стояли два брата — Жалбыр и Кленес. О них — героях крестьянского движения — рассказывает второй спектакль Казахского театра.

Тяжелая судьба поработанной казахской женщины, невольницы, не имеющей права выбора в личной жизни, — одна из тем «Жалбыра». Халиша становится в рабство восставшим и гибнет от руки врага. И опять у трупп двух любимых — Халиши и Кленеса поют песни. Но это уже не шаловливо-переливчатая, хотя и то же время и искренне-задушевная, мечтательная песенка Жибек, а песня-клятва о горячей ненависти к врагу, вдохновенная песня «Влемай» («О, моя родинка»).

Вместе с ростом общественного сознания народа менялись мелодии, рождались новые темы музыкального творчества. Оно неслыханно, это возрожденное и обновленное творчество казахского народа, искусство страны, раскрепощенной Великой Октябрь. И с отдельными великолепными достижениями этого искусства, — «душевного от песни истерзанной рабством страны... песен печали, нужды и тоски...» (народный певец Казахстана Джамбул), от

песен, звучащих печальными воспоминаниями о прошлом, к песням радости и веселья, — анахронизм московского зрителя молодой Казахский театр. Это пришлое прошлое уже казено, казенно, — и одним из свидетельств новой жизни казахского народа является существование национального театра, в котором и помышлять нельзя было в эпоху жестоких насилий и гнетущего бескультурья. Легко и свободно поют и танцуют казахские артисты. Среди них немало талантливых исполнителей, превосходно владеющих своеобразной манерой казахского пения и искусством драматической выразительности. На первом месте заслуженная артистка Байсеитова, обладающая красивым и глубоким голосом, увлекающая тонкой грацией исполнения. За ней следуют народный артист Умурзаков, заслуженные артисты Жылыарбеков и Байсеитов, Ермаков и др. Virtuозная игра рож и замечательное качество звучания в тапках Ш. Жаныарбековой. У театра довольно крепкий ансамбль, звучный и слаженный хор. Говоря о двух спектаклях, мы должны отметить не только их исполнителей и драматургов Мусрепова («Кыз-Жибек») и Майлина («Жалбыр»), но и указать на большую заслугу постановщика народного артиста Шыгина и художника Невашева, создавших эффектное и красочное зрелище. Дирижер Кузьмич хорошо ведет оркестр.

Эстетам, являющим в национальном искусстве одну «экзотику», будут возмущаться «европейским» составом оркестра, якобы нарушающим самобытность казахского искусства. Они не понимают, что народное творчество и культура — не противоречивые понятия. Нам ведь лишь радует факт, что ставший антагонистом казённого завола Епишев, выступавший в перформанс-программе Театра народного творчества, на пастушеской сопилке играл Гуно, а на итальянской «сокарто» — украинскую народную песню. Пусть самых ярых сторонников «самобытности» не смущают скрипки и виолончели в оркестре Казахского театра. Зато пусть они с большим вниманием прислушаются к тем чудесным мелодиям и тем оригинальным звуковым сочетаниям, которые слышатся со струй этих инструментов, которые слышим в песнях, привлекающих своей простотой и непосредственностью. Этих певческих качеств, а также тонкой неординарности и внутренней теплотой, музыка Казахского театра обязана своей близости к истокам народного творчества, к искусству, понятному массам и любимому ими.

Большую работу проделал молодой композитор Брусилковский, который успешно обработал инструменталку и создал оперную партитуру казахские народные мотивы.

В. ГЛИНСКИЙ